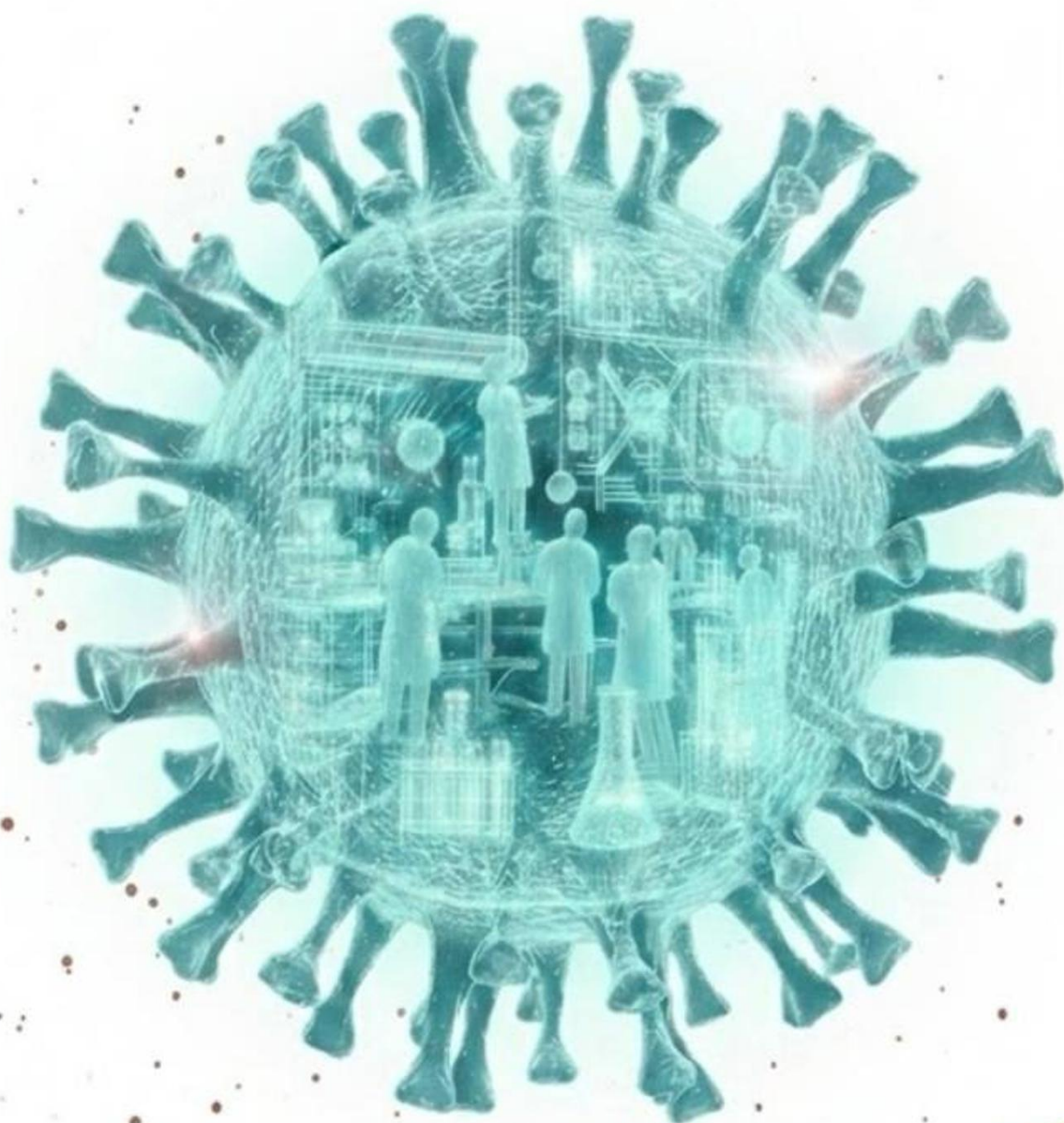

ВИРУСНЫЕ РАССКАЗЫ

**БЛАГИЕ
НАМЕРЕНИЯ**

18+

Валерий Фарин

Вирусные рассказы

Валерий Фарин

**Вирусные рассказы.
Благие намерения**

«Автор»

2026

Фарин В.

Вирусные рассказы. Благие намерения / В. Фарин — «Автор»,
2026 — (Вирусные рассказы)

2038 год. Мир задыхается в огне Третьей мировой. Пока люди гибнут под бомбами, вирусолог Хельга Вербер работает в «тихой гавани» — лаборатории высшего уровня защиты BSL-4. Ее оружие — не ракеты, а вакцины. Ее война — с патогенами. Но однажды ей предстоит столкнуться с противником страшнее любой войны. Откуда он взялся? Можно ли его контролировать? А главное, останется ли кому его контролировать...

© Фарин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

18.02.2038	5
19.02.2038	7
27.02.2038	11
22.03.2038	12
02.05.2038	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валерий Фарин

Вирусные рассказы. Благие намерения

18.02.2038

Ключ провернулся в замке, и тёплый свет из прихожей ударил в глаза. Наверное, это было лучшее, что случилось со мной за весь день. Сначала эти бесконечные новые лаборанты, которые ничего не запоминали с первого раза, потом дурацкий скандал с Брейвиком из-за какой-то ерунды, а под конец – значок диагностики в машине. Просто вишенка на торте. Проездит ещё пару недель, конечно, но потом снова тащиться в сервис, и с каждым разом это удовольствие всё дороже. Ладно, плевать. Я распахнула дверь и постаралась оставить весь этот день за порогом.

– Мама, наконец ты пришла! Мы с папой тебя уже ждем больше часа, ты же обещала нам сегодня поиграть в настолки! – как ураган подлетела дочка, сразу же обняв и одновременно умильно и обиженно скривив губки.

Господи, откуда в детях столько энергии? Имеешь докторскую степень, международное признание, а понять эту простую вещь так и не можешь.

Муж, зная мое отношение к настольным играм, только чуть виновато улыбнулся, пока помогал снять куртку и вешал ее в шкаф. Все же именно он сам пообещал сыграть дочери позавчера, а теперь отдуваться вместе. Вот же гад.

Хотя если честно, я ни капли не расстроилась. Да, настольные игры я не люблю, это правда. Но мужа и дочь люблю так, что иногда самой страшно. Семнадцать лет вместе, а мы всё как те глупые влюблённые из фильмов. И Стефа это видит, и, кажется, даже гордится. Рассказывает всем, что у мамы с папой настоящая любовь. Дети же всё замечают.

Стефа так сильно торопила с желанием поиграть, что уговорила совместить ужин с чтением правил и уже раскладывала ужасающе огромное поле на столе, пока я наливала сок и грела лазанью.

Следующие полтора часа пролетели на удивление весело, и эта версия древней «Монополии» действительно оказалась забавной и не такой уж и нудной.

В какой-то момент я почувствовала знакомую вибрацию – кольцо на пальце мягко пульсировало, оповещая о звонке. Мелькнула мысль не брать, ответить завтра, но ответственность – это такая штука, которая не даёт покоя. Пришлось идти на кухню за телефоном.

– Хельга, до тебя не дозвониться! – сразу же с претензий начал собеседник.

– Так, Филш. Я сейчас с семьей и вообще не обязана отвечать. Давай по делу? Или вообще может до завтра подождет?

– Да никак! Со мной сейчас связались из управления местного Бундесвера и в приказном порядке назначили встречу тебе на 11:00. Я пытался сопротивляться, но ты сама знаешь военных. Проще застрелиться, чем их переубедить. – с каким-то грустным принятием неизбежного рассказывал собеседник.

– Да уж, тут ты, наверное, прав. А какая повестка встречи?

– Да ничего внятного. Сказали, что все сообщат лично тебе и приказали на завтра заказать три пропуска, так что хотя бы количество гостей ты теперь знаешь. Собственно, и все, просто предупредить хотел, чтобы не было с утра сюрпризом для тебя.

– Спасибо. Надеюсь это все ненадолго, хотя теперь и интересно зачем я понадобилась.

Смахнув иконку вызова, я попыталась выбросить все из головы и просто вернуться к семье. До завтра все равно не узнаю, а переживать и накручивать себя лишний раз отучила еще давным-давно кончившаяся аспирантура и рождение Стефы. Оставшиеся пару часов мы так

и провели вместе, сначала доиграв раунд, а потом просто болтая о новом крытом искусственном склоне, открывшемся неподалеку. Уже половина одноклассниц дочери успели сходить и пребывали в полнейшем восторге, так что пришлось и нам это добавить в ближайшие планы.

19.02.2038

Утро прошло сумбурно, и едва успевая к началу первого урока, я отвезла Стефу в школу и направилась в институт, всеми силами пытаясь не опоздать и выиграть хоть пару минут от времени прибытия, транслируемого на лобовом стекле. Когда три года назад я только приобрела себе этот чуть устаревший Ягуар, наверное, каждый второй спрашивал меня, ради чего я предала родные немецкие автоконцерны и взяла себе уродливый продукт англо-китайского производства. Если честно, я и сама не уверена до сих пор. Скорее всего, дело в том, что еще в детстве, смотря фильмы, я всегда мечтала именно о такой машине и просто исполнила старую хотелку. Именно тогда у меня и появилась эта своеобразная игра: пытаться хоть немного опередить бортовой компьютер, просчитывающий маршрут, и, не без гордости скажу, что порой даже удается.

Спустя всего тридцать четыре минуты я уже заходила в кабинет и сразу же, включив голоэкрان компьютера, подошла к кофе-машине. Не то чтобы я большой фанат кофеина, но с утра однозначно способна осознать всю его ценность. Еще пять минут спустя, уже сидя с кружкой свежего кофе, я просматривала рабочую почту, параллельно составляя план поездки в Мюнхен на конференцию. Система климатического контроля работала прекрасно, но все же, чуть повысив влажность, как привыкла, погрузилась в рабочую рутину.

Сотни мелких задач буквально поглотили, заставив позабыть о времени, и раздавшийся стук в дверь, стал неожиданностью, хотя время встречи как раз подошло. Через секунду автоматика, получив от меня разрешение, раскрыла двери перед посетителями.

На пороге стояли трое.

Первым был мужчина в безупречном костюме с короткой стрижкой и небольшими аккуратными усами. На лацкане костюма была эмблема «Федеральное ведомство по охране конституции». Контрразведка. За его спиной стояли двое в военной форме, но не полевой, которую часто показывают в сводках новостей и военных репортажах, а повседневной. Другой покррой, видимые знаки различия и кобура у бедра. Их лица я решила даже не запоминать, сразу понимая, с кем действительно будет вестись разговор.

– Фрау Вебер? – мужчина в гражданском говорил по-немецки безупречно, но с лёгким, почти неуловимым акцентом. Может быть, австрийским? Или швейцарским?

– Да. – я решила не вставать, продолжая держать в руке уже пустую чашку с кофе.

– Меня зовут Вальтер Штанге. – посетитель шагнул в кабинет, военные же остались в коридоре. – Я уполномоченный представитель СпСИ. Совета по Стратегическим Исследованиям.

– Чем обязана? – спросила я, пытаясь вспомнить хоть одно упоминание о подобной организации, но безуспешно.

Дверь закрылась за посетителем. Военные так и остались с той стороны, их силуэты были видны сквозь матовое стекло.

– Фрау Вебер, – его голос звучал тихо, доверительно, – у меня к вам предложение от самого высокого уровня. Война, которую мы все надеялись избежать, идёт уже четвёртый год. Вы читаете сводки?

– Я читаю научные статьи. Но общую ситуацию представляю.

– Представляете ли вы, что ситуация на фронте... сложная? – Штанге расположился на стуле напротив меня, не дожидаясь приглашения. – Нам нужны новые средства. Неординарные. И у нас есть основания полагать, что вы можете помочь.

– Я вирусолог. Я изучаю патогены и разрабатываю вакцины. Если вам нужны средства для других целей, вы ошиблись адресом.

Мой собеседник улыбнулся. Вернее, его губы растянулись в подобии улыбки, но глаз это не коснулось совсем.

– Ваша репутация говорит сама за себя. Двенадцать лет в институте Коха, тридцать семь публикаций в рецензируемых журналах, работа над рекомбинантными штаммами во время пандемии 2028-го... Вы одна из лучших в Европе в области модификации вирусных геномов.

– Лечебных модификаций. Если угодно, терапевтических.

– Разумеется. – Штанге кивнул. – Именно поэтому вы нам и нужны. У нас есть исходный материал. Нечто, что природа создала миллионы лет назад. Мы хотим, чтобы вы его доработали.

В легком ступоре после этих слов, я смотрела и ждала, что мне еще смогут сказать.

– Я не могу показать вам документы, – сказал Штанге, словно прочитав мысли. – Не до того, как вы дадите согласие на участие в проекте. Но я могу рассказать в общих чертах.

Он наклонился ближе.

– Представьте себе патоген с уникальными свойствами, чем-то схожий с пандавирусом. Столь же огромная генная структура и при этом нейротропный. Воздействует на определённые участки мозга. Отключает страх, усиливает базовые инстинкты. Делает носителя... целеустремлённым. Очень целеустремлённым.

Я смотрела на него, не мигая, пытаюсь подобрать слова.

– Вы говорите о создании биологического оружия.

– Я говорю о создании средства, которое может закончить войну. – Штанге говорил всё так же тихо, но в голосе появилась жесткость. – Наши солдаты гибнут каждый день. Каждый. День. Противник использует всё: дроны, кибероружие, акустические удары. Мы должны ответить.

– Биологическое оружие запрещено всеми мыслимыми конвенциями, – я буквально повторяла слова из старых лекций. – Женевской, Гагской, Брюссельской, Женевской дополнительной 2030 года...

– Фрау доктор, – перебил Штанге, – в 2030 году все еще никто не предполагал, что глобальная война вернётся в Европу. А если и предполагал, то смотрел совсем не в ту сторону на картах. Конвенции – это дань мирному времени. Реальность – это трупы.

Он выдержал паузу.

– Сколько времени вам понадобится, чтобы довести штамм до стадии применения? До того момента, когда его можно будет давать людям?

– Давать? Людям? Вы говорите о клинических испытаниях на добровольцах?

– Я говорю о применении на поле боя. – Штанге смотрел мне прямо в глаза. – Сколько?

Я пыталась лихорадочно посчитать. Даже при самом оптимистичном сценарии, с учётом всех современных технологий, с ускоренными протоколами...

– Три года. – Голос прозвучал твёрже, чем сама ожидала. – Минимум три года до начала испытаний на людях. С соблюдением всех протоколов безопасности и биоэтики.

Штанге покачал головой.

У нас нет трёх лет. У нас нет и года. Война идёт сейчас.

– Я не могу работать быстрее, чем позволяет биология. – Откинувшись на спинку и с трудом удерживая дрожь в руках, я попыталась продолжить. – Если вы хотите получить стабильный, предсказуемый, безопасный для оператора штамм – нужно время. Если вы хотите получить трупный материал и непредсказуемые мутации – можете нанять любого лаборанта с улицы.

Штанге открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент снаружи раздались голоса и в дверь постучали.

За открывающейся дверью стоял Доктор Клаус Рихтер, мой коллега. Мы уже почти шесть лет работаем над смежными проектами и иногда пересекаемся. Спокойный, вежливый и компетентный. Ничем особо не примечательный, кроме своей шевелюры.

– Клаус, я занята, – я сразу обозначила, если его вдруг не смутили двое военных у входа. Получилось резче, чем хотела.

Но Штанге уже повернулся к нему.

– Доктор Рихтер? – Он произнёс фамилию с лёгким нажимом, словно проверял, все ли он верно помнит у себя в голове. – Вы вирусолог?

– Да. – Клаус вошёл, не дожидаясь приглашения, военные тоже не стали его останавливать. Подошел и встал рядом со Штанге, бросив быстрый взгляд на военных за стеклом.

– Специализация – рекомбинантные вирусы. Мы с Хельгой часто работаем вместе.

– Посвятить вас в тему разговора?

Клаус посмотрел на меня, сидевшую молча со сжатыми губами.

– Буду рад, но судя по реакции фрау Вебер я уже догадываюсь. – сказал Клаус. – Работа над боевыми штаммами?

Штанге хмыкнул.

– Сразу догадались. Хорошо. Вопрос, доктор Рихтер. Если бы вам предложили возглавить этот проект, вы бы согласились?

– Клаус! – вырвалось у меня. – Ты не слышал о чём речь! Это биологическое оружие! Это...

– Хельга, – Клаус повернулся ко мне. Лицо у него было спокойное, почти сочувственное. – Я всё понимаю.

– Тогда как ты можешь...

– А что мне делать? – перебил он. Голос оставался мягким, но глаза немного сузились, в них появилось что-то новое. Холодное. – Сидеть и ждать, пока война придёт сюда? Ты видела сводки с фронта? Да я уже сам второй год хотел предложить нечто подобное, но никак не мог решиться.

У меня хватило сил только на то, чтобы сдержать дрожь по всему телу.

– Это война, – продолжал Клаус. – Реальная. Не в новостях, а здесь. И если у нас есть возможность её закончить – любой ценой, – мы должны это сделать.

– Любой ценой? – ты понимаешь, как ты звучишь? Как фанатик из старых фильмов! Клаус, мы с тобой шесть лет работали вместе. Ты подписывал со мной петиции за права лабораторных животных. Ты...

– Шесть лет назад был другой мир. – Клаус отвернулся от меня и обратился к Штанге. – Герр Штанге, я готов возглавить проект. Сроки, как я понимаю, должны быть минимальные, но если оптимизировать протоколы, использовать современные методы ускоренного культивирования, параллельное тестирование...

– Мы хотим минимизировать риски, – осторожно сказал Штанге.

– Риски неизбежны. – Клаус говорил уверенно, как человек, который уже много раз это продумывал. – Но если цель – скорость, мы можем рассмотреть ускоренное тестирование на... скажем так, на недобровольных субъектах. Военнопленные, осуждённые за государственную измену, террористы. У нас же есть такие?

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Тот же голос, те же жесты, те же интонации. Я шесть лет знакома с этим человеком, он бывал у нас в гостях, игрался с дочкой и сейчас спокойно рассуждает об экспериментах на военнопленных.

– Клаус... – я сама не знала, что хочу сказать, но просто молча сидеть, глядя на это, не могла.

Он обернулся.

– Хельга, я понимаю твою позицию. Правда понимаю. Хотя мы и одного возраста, но ты учёный старой школы. Принципы, этика, «не навреди». В мирное время это прекрасно. Но сейчас не мирное время.

Штанге поднялся, бросил в мою сторону короткий взгляд – не злой, даже не разочарованный, просто констатирующий факт.

– Благодарю за уделенное время, фрау Вебер. Ваша позиция зафиксирована.

Он кивнул Клаусу.

– Идёмте, доктор Рихтер. Машина ждёт. Вам нужно будет подписать документы и ознакомиться с материалами. Сегодня же.

Они вышли. Клаус на пороге задержался.

– Хельга... – начал он.

– Уходи, – я буквально прошептала, чувствуя, что готова разрыдаться.

Дверь закрылась. В коридоре стихли шаги, военные ушли следом.

Теперь я снова одна в своём кабинете.

На голографическом экране замерла статья в «The Lancet», а я, просто обхватив себя, тихонько плакала, сама не понимая почему. То ли оттого, что война все же коснулась меня, хоть и самым краешком, даже скорее своей тенью, то ли оттого, что оказывается я совсем не знала людей вокруг себя.

27.02.2038

Буквально через пару дней я временно приняла на себя проекты, оставленные Рихтером. Это было не лучшее решение, и со временем потребуются новый отдельный руководитель, но на время поиска нового человека меня должно хватить. Работы резко прибавилось, тем более что проекты были целевыми и исследовались в рамках государственных грантов, и видимые результаты были просто необходимы. Следующие несколько недель я просто проживала, как сомнамбула. Обещание сходить с дочерью покататься на лыжах в тот комплекс пришлось отложить. Буквально ничто в мире не могло заставить меня выйти в выходные из дома, а по будням я и вовсе засыпала быстрее, чем касалась подушки. Франц, мой муж, пытался порадовать меня: любимые пирожные каждый день, билет с открытой датой в Оперу. Он полностью взял домашние дела на себя, но даже это не спасало. Я буквально чувствовала, что дело не только в свалившейся работе, но и во мне самой. Будто после того разговора я начала сомневаться. Мне так везло все эти годы, что война не коснулась ни меня, ни близких. Она была где-то там далеко, сильно южнее, где наши зимы кажутся холодными. И вот теперь, когда я действительно могла сделать что-то полезное, я испугалась. День за днем я стала стараться найти все больше информации о боевых действиях. Кадры после бомбардировок, целые рои автономных беспилотников, действующих так синхронно, что это было бы красиво, не будь столь страшно, целые города, превращенные в руины. Все это так отличалось от докладов генералов и бравых речей. И если мы получим столь решающее преимущество, то разве на этом все не закончится? Да, как и с атомной бомбой, обязательно будет ужасающая демонстрация, но в перспективе это будет лучше для всех. Для объединенной Восточной Коалиции, для Евросоюза, даже для наших противников из Африканского Блока, столь быстро усилившегося за последние десять лет, в итоге будет лучше. Сейчас гибнут десятки тысяч каждую неделю, а так разом погибнет сотня тысяч, пусть даже две, но война кончится почти мгновенно. Разве подобная жертва не сделает лучше всему человечеству?

22.03.2038

По прошествии месяца я наконец стала приходить в норму и решила просто стереть тот разговор из памяти, будто его и не было. Стефа перестала на меня обижаться, что я стала меньше проводить с ней время, и мы снова вместе стали ходить в бассейн. Франц же буквально выдохнул. Хотя он и старался не показывать, но было видно, как он переживал за меня. Вернулись теплые семейные вечера, когда мы просто болтали или все вместе моделировали новые планеты в каком-то забавном симуляторе дополненной реальности, скачанном дочкой, или просто совместно готовили домашний ужин. Только когда вернулась эта часть жизни, я осознала, что настоящая проблема была не в переизбытке работы, а в недостатке их, двух самых дорогих мне людей.

Про Рихтера в институте, если и говорили, то только, что он по семейным обстоятельствам куда-то переехал. У всех была своя жизнь, и переезд одного из многих руководителей проекта никого особенно не интересовал. Но вот что интересно, в течение пары недель из бывшей команды Рихтера ушло три человека по самым разным причинам, и никто не рассказывал, куда планирует переходить.

02.05.2038

Май уже вступал в свои права, и городская серость поддалась приходящей волне жизни. Стало больше света, мы с мужем начали планировать отпуск и размышлять, получится ли найти домик в Баварских Альпах на несколько недель.

– Слушай, я понимаю, что сейчас отправляться куда-то к морю может быть опасно, но Стефа просто обожает купаться. Может быть, куда-нибудь к озерам?

– А чем тебя не устраивает куча озер вокруг? Да, они не такие теплые, но прогреваются до +22 в среднем. А какие вокруг виды? Особенно на рассвете, когда первые падающие лучи рассекают водную гладь. Хельга, я понимаю, что в прошлом году нам удалось вырваться в Италию, но сейчас... там уже слишком опасно, и в любой момент может стать еще опаснее. Мы и так должны быть безумно рады, что в целом можем поехать в отпуск.

– Я это понимаю, но тогда может Франция? Там даже у моря практически всегда тихо, да и там же твоя семья, они будут рады нам и Стефе. – Я сама меньше всего хочу рисковать, но загадывать о том, что будет дальше – бесполезно, и я хочу показать дочери, как прекрасен мир, пока это еще возможно.

– Да в ее десять лет ей вообще все равно, Альпы это или Лазурный Берег. Она будет рада отсутствию школы и новым местам. – Франц все же скептически смотрел на такую дальнюю поездку.

Хотя, назови кто еще лет десять назад отдых во Франции дальней поездкой, ему бы тут же покрутили у виска.

Привычно завибрировало кольцо от звонка, и сразу переведя звонок на лежащие рядом наушники, удалось ответить буквально секунд через двадцать.

– Фрау Вебер, это Вальтер Штанге, нам нужно поговорить и как можно скорее.

– Герр Штанге, сегодня у меня выходной. Если вы считаете это необходимым, то можете подъехать завтра в институт к 11:00.

– Боюсь, до завтра это не ждет. Вы сейчас дома? Я займу не более пары часов вашего времени. – ровно таким же голосом я обыкновенно уговариваю на что-то Стефу.

– Вы же понимаете, что у меня сейчас свои планы? Я не могу просто бросить все и поехать.

– Именно, что можете. И это крайне важно, иначе вас никто бы не тронул. Это связано с проектом, от которого вы отказались. – на этих словах его тон перестал быть мягким и стал звучать столь же сухо, как скрип мертвой ветки.

– Какое-то неясное беспокойство внутри заставило меня ненадолго замолчать и не посылать собеседника к черту, как я уже хотела сделать. Непонятно зачем, но в неотложном порядке им понадобилась именно я. С Клаусом что-то случилось? Или осознал, чем занимается, и понял, что не готов вести дальнейшую разработку?

Хорошо. Если это действительно необходимо, я буду готова через 30 минут.

– Хорошо, я свяжусь с вами за пару минут.

Успокоив Франца и рассказав в общих деталях ситуацию, я начала собираться. Джинсов и водолазки с кроссовками, я думаю, вполне хватит. Уже обуваясь и проходя у зеркала, на секунду замерла, вглядываясь в себя. Тридцать восемь лет – еще не возраст, но все же мне удавалось выглядеть моложе. Прямой нос и очерченные губы, вместе с зелеными глазами, мне достались от матери, а вот прямыми каштановыми волосами явно наградила отец. Вместе с хоть и не постоянным, но посещением зала и относительно здоровым питанием, мне удавалось выглядеть не только стройной, но и привлекающей взгляды, чему только способствовала моя любовь к ношению волос без укладок и частых посещений парикмахера. Я любила, как леген-

дарные валькирии из легенд носить волосы свободно. Разве что ухаживала за ними несравненно больше.

Короткая вибрация кольца вернула к реальности и, споро спустившись по лестнице с третьего этажа нашего исторического, в какой-то степени, дома, я вышла из подъезда. В наш маленький уютный дворик, сохранившийся почти в том же виде, как и два столетия назад, когда дом только был построен, заехало два автомобиля. Оба черного цвета и с полностью непрозрачными стеклами, что по закону разрешено лишь крайне узкому кругу лиц.

Удлиненная Ауди, ставшая буквально лицом правительственных кортежей лет пять назад, и какой-то огромный джип, слегка отстающий от нее.

Задняя дверь открылась, и Герр Штанге, выйдя из нее, обошел авто и открыл дверь для меня. Наверное, одной из немногих традиций, которые лет десять назад снова вернулись в моду, было джентельменство. Я всегда с недоумением вспоминаю годы своей юности, когда у множества людей буквально случилось помешательство, и они перестали отличать вежливые жесты от попыток притеснения, что порой приводило к настоящему абсурду.

– Фрау Вебер, прошу вас.

Молча кивнув в знак приветствия, я расположилась сзади со всем комфортом, даруемым подобными авто.

– Фрау Вебер, я сразу перейду к делу. Герр Штраус последние два дня устраивал настоящие скандалы, требуя привлечь вас, поскольку он не готов работать один. Я помню ваш ответ, но, возможно, хотя бы из уважения к своему бывшему коллеге, вы согласитесь с ним переговорить. Он убеждает нас, что вы способны будете понять причину его состояния. – Штанге перевел дыхание и продолжил, одновременно открывая сумку, – Вам все же придется подписать документы о неразглашении прямо сейчас. Без этого я просто не смогу передать вам материалы для предварительного ознакомления, так сказать, с анамнезом.

– Хорошо, мне уже доводилось подписывать подобное ранее, вы должны знать об этом.

Несмотря на мирную направленность своей деятельности, многие вирусологи все равно вынуждены в определенных ситуациях подписывать схожие документы. Об этом мне рассказывали еще в университете, как и о различных уровнях гос. тайны. Сейчас же, поочередно читая и подписывая бумаги, я обратила внимание на отдельный бланк доступа незнакомого образца и тут же спросила об этом.

– Дело в том, что в каждой стране действительно существует своя градация. Время от времени они меняются. У нас, к примеру, последний раз это происходило около пяти лет назад. Но данный бланк относится к публично неафишируемой категории и встречается крайне редко, и каждый человек в обычной ситуации проходит максимально тщательные проверки. К несчастью, в этот раз мы вынуждены избежать формальностей и понадеяться на ваше благоразумие. – Если начало объяснения звучало подобно заученному тексту, то окончание больше походило на скрытое предупреждение и угрозу. Тем более что Вальтер при этом неотрывно смотрел прямо в упор, пока я опустила глаза и не кивнула, смутившись.

– Использование существующих центров было невозможно в связи с секретностью проекта, поэтому мы едем к выстроенному за последний год полностью новому комплексу, за основу которого были взяты стандарты BSL—4. Максимально на данный момент применяемого уровня биобезопасности, как вы знаете.

– «Взятые за основу стандарты» и прошедшие сертификацию международной комиссией на BSL—4 – сильно отличающиеся понятия. Вы в курсе, что на данный момент таких центров всего несколько в мире? При этом каждый год комиссия получает десятки заявок, но успешно проходят комплексную проверку из них лишь единицы, и то не каждый год. – Я даже не пыталась скрыть раздражение, говоря это. Господи, как же бесит подобное пренебрежитель-

ное отношение дилетантов. – Если не понимая сути, просто скопировать сложнейший механизм, то возможно он и будет работать, но только до первого форс-мажора.

Оставалось надеяться, что комплекс действительно новый и правительство само понимает уровень опасности штаммов, с которыми обыкновенно работают в подобных местах.

Видимо, не желая продолжать эту тему, Штанге передал папку, и я погрузилась в чтение.

– Первые страницы занимало секвенирование генома. Я пробежала глазами знакомые обозначения, но чем дальше, тем больше мне становилось не по себе. Порядка четырехсот тысяч пар оснований – это колоссально. Для сравнения: вирус гриппа – около тринадцати тысяч. ВИЧ – девять тысяч. Даже гигантские пандоравирусы, которые считались аномалией, имели около двух с половиной миллионов, но те были размером с бактерию. Этот же, судя по данным электронной микроскопии, в сухом состоянии достигал всего 70-80 нанометров. В гидратированном – 110.

Я нахмурилась. Такого не может быть. С такой длиной генома вирус просто обязан быть крупнее. Либо здесь ошибка измерений, либо...

Я перевернула страницу.

Место обнаружения: Антарктида, подлёдное озеро в районе Земли Королевы Мод. Возраст образца: не менее четырех миллионов лет. Четыре миллиона лет. Он был там ещё до появления человека.

Дальше шло описание структуры. Вирус отдалённо напоминал пандоравирусы – у тех тоже были гигантские геномы и до семидесяти процентов уникальных последовательностей, не встречающихся у других организмов. Но пандоравирусы поражали только амёб. Этот же эволюционировал в уникальной среде, где амёб не было. Хотя его эволюционное развитие в целом неясно.

Я перешла к разделу «Механизм действия» и поняла, что Клаус поработал на совесть. Описание было подробным, клинически точным и от этого особенно жутким.

Вирус обладает выраженной нейротропностью. Проникает через гематоэнцефалический барьер предположительно по обонятельному тракту – прямой путь из носоглотки в мозг.

Первичная мишень: миндалина (миндалевидное тело). Вирусный белок F-18 необратимо связывается с ГАМК-рецепторами, подавляя тормозные механизмы. Центр страха отключается полностью. Тесты на приматах: заражённые особи перестают реагировать на угрозы – не боятся огня, высоты, хищников, боли.

Я представила обезьяну, которая спокойно смотрит на пламя, и поёжилась.

Вторичная мишень: орбитофронтальная кора. Подавление активности нейронных сетей, отвечающих за социальное поведение, эмпатию, моральные запреты. Идентификация близких сохраняется (зрительная память не нарушена), но эмоциональная связь отсутствует. Особь воспринимает сородичей как объекты интерьера, чисто утилитарно.

Третичная мишень: латеральный гипоталамус. Гиперактивация нейронов, продуцирующих орексин (гипокретин). Возникает неутолимый, патологический голод, который невозможно удовлетворить обычной пищей. Организм требует белка и жиров в максимально доступной форме.

Я заставила себя читать дальше.

Инкубационный период: 7-9 дней. На протяжении всего периода заражённый выделяет вирус воздушно-капельным путём, вирулентность при этом достаточно низкая. Сам объект остается социально адекватным. Единственные ранние симптомы: снижение тревожности, повышенный аппетит.

Стадия II (продромальная, 2—3 дня): сильный голод, обычная еда насыщает меньше. Эмоциональная деградация. Выраженное изменение пищевых привычек. На данный момент факторы, влияющие на предпочтение мяса в сыром виде, не выявлены. Близкие начинают

вызывать интерес как потенциальный источник пищи, но сохраняется частичный контроль. Заразность максимальная.

Стадия III (манифестная, фаза «хищник»): полная утрата социальных тормозов, отсутствие страха, агрессия, каннибализм. При этом по большей части сохраняются когнитивные функции: память, узнавание, способность к краткосрочному планированию и использованию простых орудий. Результаты собраны на основании поведения приматов. При заражении человека остается вопрос уровня сохраненных когнитивных возможностей.

У меня похолодели пальцы. Они не просто тупые кусаки, как при бешенстве. Они умные.

Стадия IV (терминальная, период уточняется): постепенное истощение организма, нарушение координации, возможна смерть от полиорганной недостаточности.

Прогноз обратимости: на стадии III и выше – необратимо. Вирус не просто блокирует нейронные связи, а вызывает их физическую деградацию в отсутствие стимуляции. Даже при элиминации вируса восстановление утраченных структур невозможно. Личность погибает, тело продолжает существовать, управляемое примитивными инстинктами.

Я закрыла папку и посмотрела в окно. За тонированным стеклом проплывали живописные луга. Все, кто был за окном, не знали, что в папке у меня на коленях лежит конец этой жизни.

– Это не просто оружие, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Это катастрофа. Если он вырвется...

– Именно поэтому мы строим лабораторию по стандартам BSL-4. – Штанге смотрел на меня спокойно, будто речь шла о рядовом проекте.

– Я не уверена, что даже в лаборатории уровня BSL-4 возможно изучение подобного. Я в целом сомневаюсь в целесообразности попыток рекомбинации подобного штамма. В здравомыслии самой идеи пытаться использовать ЭТО в любом виде. Учитывая его размер и сложность...

– Понимаю. Действительно понимаю, мне самому стало от этого не по себе, когда я разобрался детальнее, но..., – он сделал паузу, – именно поэтому нам нужен кто-то, кто будет думать о таких вещах. Рихтер талантлив, но он... увлёкся. Ему нужен противовес.

Я молчала, переваривая услышанное.

– Фрау Вебер, – Штанге наклонился ближе, – я не буду вам врать. Проект страшный. Но если не мы, это сделают другие. Китай уже работает над чем-то подобным, Африканский Блок тоже не дремлет. Вопрос не в том, будет ли создано подобное биологическое оружие. Вопрос в том, кто его создаст и как будет контролировать.

– И вы хотите, чтобы я контролировала?

– Я хочу, чтобы вы помогли нам не потерять контроль.

Машина въехала в ворота, и впереди замаячили корпуса нового комплекса – серые, угловатые, без единого окна на нижних этажах.

– Мы почти на месте, – сказал Штанге. – Рихтер ждёт вас. Он очень настаивал на разговоре. Говорит, что только вы сможете понять.

– Понять что?

– Нам он объяснить так и не смог.

Машина остановилась.

– Фрау Вебер, – Штанге открыл дверцу, – добро пожаловать в проект «Морж».

Комплекс встречал тишиной и стерильностью. После того как машина остановилась, Штанге проводил меня до первого КПП, где передал с рук на руки двум сотрудникам внутренней охраны. Дальше начался бесконечный лабиринт процедур, через которые должен пройти каждый, кто входит в зону BSL-4.

Сначала – сменный блок. Мою одежду упаковали в герметичный пакет, выдали взамен тонкий хлопковый комбинезон и носки. Личные вещи, включая кольцо-коммуникатор, пришлось оставить в индивидуальном шкафчике с биометрическим замком. Я почувствовала странную пустоту без привычной тяжести на пальце – словно отрезали один из каналов связи с внешним миром.

Дальше – душевая. Десять минут под горячей водой с антибактериальным мылом, потом автоматическая сушка, потом – первый слой защиты: стерильный хирургический костюм, плотно облегающий тело, с впитанными в ткань наночастицами серебра. Поверх него – второй слой: мягкий неопреновый комбинезон с системой охлаждения. И только потом – сам скафандр.

Я надевала такие раньше, ещё в институте, но там были тренировочные образцы, облегчённые версии. Здесь же – настоящие костюмы автономного жизнеобеспечения, с массивным ранцем на спине, с герметичными перчатками, с прозрачным шлемом, в котором сразу же стал подаваться воздух с лёгким привкусом пластика. Система связи щёлкнула в ушах, и чей-то голос проверил:

– Фрау Вебер, вы меня слышите?

– Да, слышу.

– Отлично. Проходите в шлюзовую камеру. Доктор Рихтер встретит вас в чистой зоне.

Шлюз оказался длинным коридором с герметичными дверями с обеих сторон. Когда первая дверь закрылась за моей спиной, автоматика запустила цикл деконтаминации: ультрафиолет, потом распылённый дезинфектор, потом обдув. Я стояла посреди этого ада, глядя на собственное отражение в зеркальной поверхности внутренней двери, и думала о том, что где-то здесь, за этими стенами, находится вирус, способный превратить живое существо в чудовище.

Внутренняя дверь открылась.

Клаус ждал меня в тамбуре. В таком же скафандре, с таким же шлемом, но я узнала бы его где угодно – по сутуловатой фигуре, по манере держать руки в карманах комбинезона. Он стоял, прислонившись к стене, и когда я вошла, резко выпрямился.

– Хельга. – Его голос в наушниках звучал глухо, с непривычной хрипотцой. – Ты пришла. Я знал, что ты придёшь.

– Клаус. – Я подошла ближе, вглядываясь в его лицо сквозь пластик шлема. – Ты выглядишь ужасно.

Он действительно выглядел ужасно. Под глазами залегли тени, щёки ввалились, на подбородке пробивалась трёхдневная щетина – в стерильной зоне это казалось дикостью. Но главное было в глазах: они лихорадочно блестели, и в них застыло что-то, чему я не сразу нашла название.

Страх.

Клаус, который всегда был спокойным, рассудительным, слегка флегматичным Клаус, с которым я шесть лет работала бок о бок, – сейчас он был напуган до полусмерти.

– Пойдём, – сказал он вместо ответа. – Пойдём ко мне в кабинет. Там поговорим.

Он двинулся по коридору, и я пошла следом, отмечая про себя детали: лабораторные отсеки за стеклянными перегородками, ряды центрифуг и инкубаторов, автоматические манипуляторы, тянущиеся к пробиркам. Несколько человек в таких же скафандрах мелькнули в боковых проходах, провожая нас взглядами. Комплекс выглядел новым, пахло пластиком и герметиком, где-то ещё не сняли защитную плёнку с поручней.

Кабинет Клауса оказался маленькой комнатухой с голографическим экраном, парой кресел и столом, заваленным распечатками. Я опустилась в кресло, чувствуя, как скафандр давит на плечи.

– Ну? – спросила я. – Рассказывай.

Кlaus сел напротив, сцепил пальцы в замок.

– Ты ознакомилась с материалами?

– Да. То, что я прочитала в машине, – это... – я подбирала слово, – впечатляет. И пугает.

– Пугает, – эхом отозвался он. – Это правильно. Это должно пугать. Хельга, я напортачил.

Сильно напортачил.

– Ты о чём?

Он поднял на меня глаза – и в них плескалась такая мука, что мне стало не по себе.

– Ты помнишь, когда я ушёл? В феврале?

– Девятнадцатое февраля, – машинально ответила я. Этот день врезался в память.

– Три месяца. Всего три месяца. – Он покачал головой. – А кажется – вечность. Штанге сказал тебе, почему я тебя позвал?

– Сказал, что ты хотел поговорить только со мной, возможно, не справляешься.

– Не справляюсь? – Klaus горько усмехнулся. – Я справляюсь. С работой я справляюсь отлично. Мы продвинулись дальше, чем я мог надеяться. Вирус стабилен, предсказуем, его поведение в клеточных культурах – идеально. Но когда мы уже провели тесты на приматах, и результаты...

– Klaus, – перебила я, – ты хочешь сказать, что за три месяца вы дошли до тестов на приматах? Это безумие! Обычный цикл исследований занимает...

– У нас нет обычного цикла. – Он резко оборвал меня. – У нас война и приказы сверху. Штанге требовал результатов, и я их давал. Но дело не в этом. Хельга, я позвал тебя не потому, что не справляюсь. Я позвал тебя, потому что... потому что есть кое-что, о чём я никому не говорил.

Он замолчал, и в тишине я слышала только собственное дыхание в скафандре.

– Klaus, о чём ты?

– У нас есть заражённый, – выдохнул он. – Человек в стадии «Хищник».

Я замерла.

– Что значит – заражённый? Ты проводил испытания на людях? Klaus, ты...

– Да хватит! Я знаю, что не должен был так торопиться! А если ты про то, что он живой человек с правами, то мне плевать. Это захваченный дезертир из армии Африканского Блока. Ты знаешь, что они устраивали на ничейной полосе? У меня волосы шевелились, когда я читал досье. – Он почти выкрикнул это и следом, будто сказав самое тяжёлое, резко успокоился. – Две недели назад казалось, что на приматах наблюдаемый эффект уже ясен и можно переходить дальше.

Я молчала, пытаюсь переварить услышанное.

– Инкубационный период, – машинально сказала я. – Семь-девять дней.

– Да. Мы ждали. Через первые три дня «объект» – было видно, несмотря на всё то, что Klaus здесь творит, слово «подопытный» было слишком для него – стал... другим.

– Каким?

– Спокойным. Слишком спокойным. Мы проверяли: включали сирену, имитировали пожар, даже стреляли холостыми в соседнем помещении. Ноль реакции. И он постоянно хотел есть. Абсолютно любая еда и любые сочетания его устраивали, религиозные догматы его уже не ограничивали.

У меня пересохло во рту.

– А дальше?

– А дальше – ничего. – Klaus развёл руками. – Даже спустя девять дней он не превратился в агрессивного монстра. Не бросался на стекло. Не пытался никого убить. Он просто сидел в своей камере, смотрел телевизор, читал книги, разговаривал с нами. Понимаешь? Он разговаривал! Приматы деградировали значительно быстрее и были постоянно возбуждены, здесь же этого нет!

– О чём вы разговаривали?

– Обо всём. О погоде, о футболе, о его невесте. Он помнит свою жизнь. Помнит имя, фамилию, дату рождения. Помнит, что пошёл в армию, вдохновляясь старшим братом. Помнит, как заразился. И при этом – полное отсутствие страха. Эмпатия... с ней сложнее. Он не проявлял агрессии, но и не проявлял особых чувств к тем, кто с ним общался. Как будто смотрит на людей сквозь толщу воды.

Я сидела, пытаясь осознать услышанное.

– Клаус, ты понимаешь, что это значит? Если у него сохранились когнитивные функции...

– Понимаю. – Он кивнул. – Это значит, что вирус не уничтожает личность. Он её кромсает. Где-то глубоко внутри человек остаётся человеком. Просто не может достучаться до своих эмоций. Не может бояться. Не может любить. Но может полноценно думать, краткосрочно планировать.

– И военные знают?

– Нет. – Клаус покачал головой. – Только я. И Штанге. Штанге знает, что есть заражённый, но я не говорил ему о когнитивных функциях. Сказал, что объект в стабильном состоянии, но агрессии не проявляет. Если они узнают, что человек остаётся разумным... Хельга, они потребуют форсировать разработку. Они захотят использовать это немедленно. А я и так быстро шёл. Слишком быстро. Я перепрыгнул через все мыслимые стадии, сократил испытания на животных до минимума, и вот результат – живой человек с вирусом в крови, который сидит в камере, и абсолютно неясно, что у него в голове.

Он замолчал, и в динамиках повисла тяжёлая тишина.

– Клаус, – сказала я наконец, – ты идиот. Ты понимаешь это? Ты – кретин.

– Понимаю.

– Ты подверг риску всех. Весь комплекс. Весь проект. Если вирус мутирует, если он передастся дальше, ты хоть представляешь, что может быть?

– Я знаю! – Он так резко изменился в лице, что я отпрянула. – Я всё знаю, Хельга! Я каждую ночь не сплю, думаю об этом. Но я не могу его убить и сделать вид, что ничего не было. Он человек. Он разговаривает со мной. Он спрашивает, как дела у моей кошки. Он... он нормальный, понимаешь? Почти нормальный.

– Почти?

– Есть одна проблема. – Клаус отвёл взгляд. – Это именно то, что изменилось два дня назад. Когда ему дают сырое мясо, он... меняется.

– Меняется? Как?

– Теряет контроль. Всего на несколько минут, но – полностью. Глаза стекленеют, он перестаёт реагировать на голос, начинает жадно есть, рычать, бросаться на стекло. А потом – приходит в себя. И не помнит, что с ним было. Или делает вид, что не помнит.

Я смотрела на него, и внутри медленно закипала злость.

– Ты проводил с ним эксперименты? Кормил его мясом?

– Не эксперименты. – Клаус будто сжался. – Он сам попросил, это было под конец второй стадии, судя по всему. Сказал, что голоден. Мы дали ему варёное мясо с овощами – он не стал есть, хотя до этого таких проблем не было ни разу. Отодвинул тарелку и сказал: «Дайте сырого». Я разрешил. Один раз. Хотел посмотреть, что будет. И... это было страшно.

– Страшно. – Я встала, чувствуя, как скафандр сковывает движения. – Клаус, ты хоть понимаешь, во что ввязался? Ты создал монстра. Не вирус – ты создал ситуацию, в которой этот вирус ведёт себя непрогнозируемо. И теперь зовёшь меня, чтобы я помогла тебе замести следы?

– Нет! – Он тоже вскочил. – Я позвал тебя, потому что ты единственная, кто понимает проблему и способна размышлять здраво. Потому что ты видела мою лабораторию, ты знаешь,

как я работаю, ты... ты честная, Хельга. Ты скажешь мне, если я сошёл с ума. Ты скажешь, как быть.

Я долго смотрела на него. На этого человека, которого знала шесть лет. Который играл с моей дочерью, который приносил мне кофе, когда я засиживалась допоздна. И который сейчас стоял передо мной, раздавленный грузом собственных решений.

– Отведи меня к нему, – сказала я.

– Что?

– К заражённому. Я хочу увидеть его своими глазами.

Клаус колебался секунду, потом кивнул.

– Хорошо. Но предупреждаю: это зрелище не для слабонервных.

– Ты серьёзно, Клаус? Я здесь из-за тебя и должна всё увидеть своими глазами.

Он повёл меня по коридорам, в самое сердце комплекса. Мы прошли несколько уровней контроля, каждый раз сканируя биометрию, каждый раз дожидаясь подтверждения от автоматики. Наконец мы оказались перед массивной дверью с табличкой «Блок изоляции №1».

– Он там, – сказал Клаус. – Мы оборудовали для него отдельный отсек. Полная изоляция, отрицательное давление, всё по протоколу.

– Он знает, что заражён?

– Знает. Мы сказали ему в первый же день. Он отнёсся... спокойно.

Я поморщилась.

– Открывай.

Внутри блок изоляции оказался небольшим помещением с толстым стеклом во всю стену. За стеклом была камера – примерно три на три метра, с кроватью, столом, стулом и отдельным санузлом. На стене висел голографический экран, на столе лежали книги.

В кресле, спиной к стеклу, сидел человек.

– Мохаммед Али Хасан, – тихо сказал Клаус. – Двадцать три года. В прошлом студент-радиотехник. Позже вступил в войска по примеру старшего брата.

– Повернись, – скомандовал он в микрофон.

Человек медленно обернулся.

На вид – обычный молодой парень. Тёмные волосы, карие глаза, слегка отросшая небридность. На нём была серая роба, но держался он свободно, даже расслабленно. Увидев нас, он улыбнулся.

– Доктор Рихтер! Снова пришли? А это кто с вами? – Он прищурился, вглядываясь в стекло. – О, женщина. Красивая. Тоже учёный?

– Фрау доктор Вебер, – ответил Клаус. – Моя коллега. Она хочет задать тебе несколько вопросов.

– Валяйте. – Мохаммед откинулся на спинку кресла. – Мне всё равно больше заняться нечем. Книги я никогда не любил, программы у вас все какие-то заумные по телевизору, так что тоже не нравится. Хорошо хоть вы приходите, развлекаете.

Я шагнула ближе к стеклу.

– Ты помнишь, как оказался здесь?

– Конечно. – Он кивнул. – Был пойман во время одного из рейдов, потом был в лагере военнопленных. Позже перевели сюда.

– И как ты себя чувствуешь?

– Нормально. – Он пожал плечами. – Даже лучше, чем раньше. Знаете, раньше я всё время чего-то боялся. Преподавателей боялся, потом во время войны боялся, за здоровье переживал. А теперь – ничего не боюсь. Спокойно так. Хорошо.

– А голод?

Лицо на мгновение изменилось. Совсем чуть-чуть – но я заметила, как дёрнулся уголок рта.

– Голод есть, – признал он. – Иногда сильный. Особенно когда... ну, когда мясо рядом.

– Любое мясо?

– Сырое. – Он облизнулся. – Варёное не хочу, пробовал. А сырое... пахнет так... вкусно.

Прямо тянет.

– И что ты делаешь, когда чувствуешь этот голод?

Мохаммед помолчал.

– Терплю, – сказал он наконец. – Стараюсь терпеть. Доктор Рихтер приносит иногда, понемногу. Говорит, что нельзя много, вредно. Но я прошу. Не могу не просить.

Я обернулась к Клаусу.

– Он опасен?

– Не знаю, – честно ответил тот. – Когда не ест сырое – кажется, что нет. Совершенно адекватен. Разговаривает, шутит, даже сам готов помогать и отвечать, но когда видит мясо...

– Покажи.

– Что?

– Покажи, – повторила я. – Хочу увидеть.

Клаус колебался.

– Хельга, это жуткое зрелище.

– Я хочу видеть, что мы имеем. Иначе как я смогу оценить риски?

Он вздохнул и кивнул. Подошёл к небольшому шлюзу в стене – через такие передают еду и предметы в изолятор, не нарушая герметичности. Открыл внешнюю дверцу, достал оттуда пластиковый контейнер.

– Здесь сырая говядина, – сказал он. – Мы держим запас для тестов. Обычно я даю ему совсем немного, граммов сто, чтобы не провоцировать.

– Сейчас можешь дать триста.

Клаус положил контейнер в шлюз, закрыл внешнюю дверцу и нажал кнопку. Внутри камеры загорелся сигнал – что-то вроде звонка, оповещающего о передаче.

Мохаммед мгновенно вскочил. Глаза его расширились, ноздри затрепетали.

– Мясо? – спросил он. Голос изменился – стал ниже, более хриплым. – Вы принесли мясо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.